

Наталья Нестерова

Тихий ангел

*Часть сборника
Неподходящий жених (сборник)*

Наталья Нестерова

Тихий ангел

«АСТ»

2008

Нестерова Н.

Тихий ангел / Н. Нестерова — «АСТ», 2008

ISBN 978-5-17-077330-5

«Дарья была не первой, у кого разошлись родители. Когда учились в пятом классе, отец Мишки Купцова сделал семье ручкой. Через два года мама Наташи Суворовой влюбилась в хирурга, который удалил ей бородавку, и ушла жить к бородавочнику. Мишка и Наташка очень переживали. У Мишки появился тик, дергался глаз и прозвище Моргало приклеилось. Наташа закурила, яростно и много смолила – назло врачам и всему Минздраву, который предупреждает...»

ISBN 978-5-17-077330-5

© Нестерова Н., 2008

© АСТ, 2008

Наталья Нестерова

Тихий ангел

Дарья была не первой, у кого разошлись родители. Когда учились в пятом классе, отец Мишки Купцова сделал семье ручкой. Через два года мама Наташи Суворовой влюбилась в хирурга, который удалил ей бородавку, и ушла жить к бородавочнику. Мишка и Наташка очень переживали. У Мишки появился тик, дергался глаз и прозвище Моргалло приклеилось. Наташа закурила, яростно и много смолила – назло врачам и всему Минздраву, который предупреждает.

Они сидели на бульваре. Наташа, задрав голову, практиковалась в пускании колечек дыма. Мишка чертил прутиком на дорожке. У него эта привычка с детства. Даша помнила, как он рисовал кораблики и танки, а теперь его абстрактные художества сильно смахивали на женский торс.

– Мои предки разбежались, – сказала Даша максимально спокойным голосом. – Развод оформили.

– Добро пожаловать в клуб! – усмехнулся Мишка.

И насупился. Дарья знала: старается сдержать тик.

– Кто? – спросила Наташа. – Фазер или мазер соскочил?

– Фазер. Папочка полюбил другую женщину. А мамочка от благородства чуть не лопа-
ется: ты должна понять чувства своего отца! – передразнила Даша. – Гады!

– Подонки! – согласился Мишка.

– Особенно врачи, – подтвердила Наташа.

– Как так можно? – Дарья шмыгнула носом, маскируя предательские слезы. – Как можно любить их безумно и одновременно ненавидеть?

Наташа и Мишка, прошедшие через горнило подобных испытаний, заверили: можно!

И еще сказали: сейчас более всего, потом легче станет, но полностью не пройдет никогда. Это как вирус в компьютере, для которого антивирусной программы не придумали и придумать невозможно. И жесткий диск, то есть предков, на свалку не выбросишь.

Наташа и Миша говорили без пафоса, сострадания, просто и жестоко, почти равнодушно, как и говорят подростки о проблемах, над которыми ночами слезы льют.

Родители Даши и папочкина новая жена, носившая сырное имя Виола, были людьми образованными, наслышанными про травму, которую наносит ребенку развод. Поэтому вели себя до тошнотворности оптимистично и деликатно. Неестественно предупреждали любое желание Даши, закрывали глаза на плохие оценки в школе, на Дашкины капризы. Их заискивание как нельзя лучше демонстрировало – в ее жизни случилась трагедия. Почти такая же страшная, как смерть ее старшего братика с условным именем Костя.

Братик родился за пять лет до Даши и прожил две недели, зарегистрировать его, получить свидетельство о рождении не успели. Умер ночью по причине СВСМ – синдрома внезапной смерти младенца. Это когда младенец засыпает вечером и больше не просыпается. Никто в мире не может раскрыть тайну СВСМ, хотя дети гибнут и гибнут.

О том, что у нее был братик, Даша узнала, когда ей было десять лет, и это произвело на нее громадное впечатление. Ее мучили кошмары ночью и дикие фантазии днем. Казалось, что этот Костя незримо присутствует в ее жизни, наблюдает, критикует, комментирует, упрекает за каждую мелкую провинность или ошибку и постоянно напоминает: ты-то жива, а я умер, где справедливость? Он представлялся вредным детиной, вроде старшеклассников, которые врывались в раздевалку перед физкультурой, наровили мимоходом ущипнуть ниже спины или тискали в гардеробе. Сильные, здоровые и все как на подбор агрессоры.

Дарья приставала с расспросами к родителям: какой он был, мой братик? Но у мамы и папы по прошествии лет боль утраты притупилась, они редко вспоминали первенца, от которого даже фото не осталось. Зато смешно рассказывали, как все: две бабушки, два дедушки, папа и мама стерегли Дарью по ночам, чтобы не случился ужасный СВСМ. У них был скользкий график ночных дежурств, то есть кто-то постоянно сидел рядом с ее кроваткой, не спал и караулил ее дыхание. Одна бабушка вязала на спицах, другая читала дамские романы, один дедушка разгадывал кроссворды, другой при свете слабой лампы корпел над служебными бумагами. Маму и папу от ночных дежурств освободили, потому что папе нужно было работать, а мама за день до изнеможения уматывалась. Но оба они, папа и мама, – в этом юмор – несколько раз за ночь вскакивали, не продрав глаза, неслись в детскую, проверять, дышит ли Дарья, не уснул ли караульщик.

Наверное, это были очень счастливые месяцы ее жизни. Но Даша их не помнит. Самое раннее из воспоминаний – полет к потолку, дыхание перехватывает, приземление в теплые папины руки. Он снова ее подбрасывает, полет, счастье, радость, визг – ах, я уже в мягких, надежных папиных ладонях. И еще из раннего – сознание абсолютной, волшебной маминой власти. Больно, упала, стукнулась – подует мама, и боль с коленки уходит. Ночью к ней прибежишь, потому что мертвый братик пригрезился, мама руками укутает, и становится благостно. Они спали на боку: Даша, мама, папа – обнявшись, уютно вписавшись друг в друга. Дарья чувствовала мамино и папино тепло, с которым ничего не могло сравниться.

И чего бы им не жить и дальше? Маме и папе! Чего бы им совместно не радоваться, глядя на дочь, во младенчестве не погибшую, а теперь по внешним данным на первую девушку в классе претендующую? Успеваемость средняя, от «четверки» до «тройки», – то, что и нужно, чтобы не прослыть ботаником или тупицей. Братик умерший помучил воображение и благополучно сгинул. При необходимости память о нем можно было призвать – когда требовалось слезу пустить или загадочной особой с тайным прошлым предстать перед новой подружкой или незнакомым парнем.

Если Дашу спросить, какой стала мама после развода, ответ был бы – стерильной. В это слово Даша вкладывала смысл: ровной, спокойной, безучастной, сдержанной, будто у нее сильно голова болит, но врачи сказали – это до конца жизни, терпите и сосуществуйте с мигренью. Мама не смеялась над смешным, а слабо улыбалась, не кипятилась, не орала, как бывало, когда Даша что-нибудь выкинет, а стерильным голосом изрекала: «Подумай над своим поступком, он неблагоприятен» или: «Подумай над своим поведением, оно оставляет желать лучшего».

– Чего думать? Чего думать? – заводилась Дарья. – Чего ты со мной общаешься как из телевизора, как из передачи про психов? Я нормальная! А ты! Ты стала амебой стерильной, как монашка пристукнутая. В церковь не ходишь?

– Нет. У тебя есть ко мне претензии?

– Вагон и маленькая тележка.

– Конкретнее.

– Почему ты не сражаешься за папу, не бьешься, не рыдаешь, не ставишь вопрос ребром?

– Зачем? – мама с легким удивлением пожала плечами.

– Чтобы он к нам вернулся!

– Зачем? – с тем же выражением лица повторила она.

– Чтобы у меня был отец, у тебя – муж, а все мы вместе – прекрасная семья.

– Отца у тебя никто не отнимал. Прежней семьи никогда не будет. Выкинь из головы глупые планы.

– Ага! Я – выкинь! Вслед за тобой? Ты так легко перечеркнула вашу с ним любовь, нашу семью, мое детство, братика умершего...

– Стоп! Тебя уносит. Прошлое не зачеркивается и не девальвируется. Братик... ты до сих пор о нем думаешь, это мучает тебя?

– Давно не мучает, – вынуждена была признаться Даша. – Так, к слову пришлось. Но меня бесит твое абсолютное спокойствие! И преступное бездействие!

– Успокойся. Объясняю тебе по пунктам и надеюсь, в дальнейшем не возникнет потребности еще в одном подобном разговоре, они психического здоровья не прибавляют. Первое. Ты моя дочь, и обсуждать с тобой свои душевные переживания я не стану. Потому что, во-первых, не желаю обременять тебя недетскими знаниями. А во-вторых, вообще не приемлю женской дружбы взасос между матерью и дочерью. Следующее...

Мама хотела быть строго логичной, но запуталась.

– Второе, – подсказала Дарья. – У «первого» было два подпункта.

– Да, второе. По складу характера я интроверт, поэтому мне легче и проще переваривать проблемы внутри себя, ни с кем не делаясь, не советуясь, не плача на груди у сердобольных подруг. Знаю, проверено на опыте, процесс переваривания когда-нибудь закончится, и я смогу дышать полной грудью, восстановлюсь. Тебе надо потерпеть. Пожалуйста, потерпи!

– Это как я суп варила? Помнишь? Хотела вас с папой порадовать, после ангины выздоравливала. Бросила все имеющиеся продукты в кастрюлю, они кипели и кипели, я уснула. Суп превратился в мутную густую жижу, которую отправили в унитаз. Так и ты перевариваешь?

– Похоже, – согласилась мама.

– Но я так не могу! У меня все клокочет! Мне хочется действовать!

– Запишись в спортивную секцию или в бассейн.

– В четырнадцать лет? – возмутилась Даша. – У нас все, кто спортом занимаются, уже асы, я буду позориться на скамье запасных?

– Хорошо, спорт отменяется. Дай подумать.

Мама нашла решение – купила Дарье боксерскую грушу.

Два грузчика, надрываясь и пыхтя, втащили в Дарьину комнату аппарат – на полу тяжеленная круглая станина, от нее идет металлическая палка, далее тугая толстая пружина, и все венчает груша, покрытая кожей в красно-черную полосочку. Такого не было ни у кого из Дашиных друзей!

Она приклеила на грушу фото новой жены папы и дубасила по нему утром и вечером. Фото попросила в очередную «папскую субботу», как она называла выходные, проводимые с отцом и Виолой. Папа гордо улыбался, когда Виола протягивала снимок. Девочки начинают дружить. Как же! Знал бы, для чего фотка. Еще узнает.

Даша никогда прежде не делала зарядку и вообще физические упражнения терпеть не могла. Но теперь с удовольствием скакала вокруг груши, пыталась даже ногой заехать по Виоле, повторяя приемы восточных единоборств и издавая возгласы киношного ниндзя.

– Ты вопишь как резаная, – говорила мама Дарье, потной и возбужденной, идущей в душ.

– Ага! Надо было папочке нам лапами помахать, смыться, чтобы заставить меня физкультурой заниматься.

Однажды, возвращаясь из душа, вытирая полотенцем мокрые волосы, Даша застучала в своей комнате маму. Она медленными слабыми движениями ударяла в уже изрядно потрепанную фотографию Виолы. Мама била легонько, точно разведую, пробуя на прочность грушу или сам метод на эффективность. Когда колотила Дарья, груша моталась из стороны в сторону, а у мамы лишь покачивалась.

– Сильнее бей, – посоветовала Даша.

Мама смутилась, покраснела.

– Глупости все это, – сказала она и мелко потрясла головой, будто отгоняя ненужные вредные мысли и желания. – Детский сад. Пожалуйста, не показывай этот аппарат папе, когда придет.

– А то! – ответила Даша.

«А то» было любимым словечком Наташи Суворовой, Дарьиной подруги. И обозначало оно согласие или отказ – в зависимости от того, что хотели услышать. Ведь мама могла подумать, что дочь имеет в виду: «А то я не понимаю, что папе будет неприятно, зачем его обижать». На самом же деле расшифровка абсолютно противоположная. «А то я упусти момент, – думала Даша, – когда вытянется лицо фазера!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.